

вая линия, число «20» и другие) и древнеславянское понимание времени как бесконечно повторяющегося годового цикла с разрывом во время зимних святок («умирание» Солнца). Культурное значение этого календаря чрезвычайно велико, оно может быть сопоставимо с расшифрованным Б. А. Рыбаковым аграрно-магическим календарем полян IV в. Уникальностью этого древнего женского календаря тем более значима, что ничего подобного ему нигде в мире пока не обнаружено.

Примечания

- ¹ Рыбаков Б. А. Календарь IV века из земли полян // Сов. археология. 1962. № 4. С. 66—89.
- ² Дурасов Г. П. Каргопольские народные вышивки-месяцесловы // Сов. этнография. 1978. № 3. С. 139—148.
- ³ Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981. С. 509.
- ⁴ Дурасов Г. П. Указ. раб. С. 146—147.
- ⁵ Идельсон Н. И. История календаря. Л., 1925. С. 93.
- ⁶ Климишин И. А. Календарь и хронология. М., 1985. С. 116.
- ⁷ Афанасьев А. Н. Наузы. Пример влияния языка на образование народных верований и обрядов // Афанасьев А. Н. Народ-художник. Миф. Фольклор. Литература. М., 1986. С. 201.
- ⁸ Там же. С. 218.
- ⁹ Колева Т. А. Георгиев день у южных славян // Сов. этнография. 1978. № 2. С. 30.
- ¹⁰ Там же. С. 30.
- ¹¹ Дурасов Г. П. Указ. раб. Рис. 3. С. 142.
- ¹² Там же. С. 147.
- ¹³ Там же. С. 143.
- ¹⁴ Рыбаков Б. А. Язычество древних славян... т. 508.
- ¹⁵ Филиппов Л. А. Крещение. М., 1973. С. 59—60.
- ¹⁶ Дурасов Г. П. Указ. раб. С. 144.
- ¹⁷ Алферова Г. Древний Каргополь и Каргополье // Наука и жизнь. 1968. № 6. С. 135.
- ¹⁸ Дурасов Г. П. Указ. раб. Рис. 6. С. 146.
- ¹⁹ Чистов К. В. Актуальные проблемы изучения традиционных обрядов русского Севера // Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. М., 1974. С. 16.

© 1990 г.

В. Г. Власов

ПУТИ РАСШИФРОВКИ КАРГОПОЛЬСКОГО КАЛЕНДАРЯ-ВЫШИВКИ

Опубликованием каргопольских народных вышивок-месяцесловов в историческую науку введен замечательный памятник народной хронологии, причем памятник многослойный. Это отметил и автор публикации на эту тему Г. П. Дурасов. Он подчеркнул, что «до нас месяцесловы дошли уже в значительно измененном виде»¹. Он охарактеризовал месяцеслов как *земледельческий*, раскрыв верхний, наружный слой памятника, и отождествил вышитый узор с полным кругом юлианского календаря. Основанием для такого подхода было соответствующее понимание данного узора информаторами, родившимися в конце XIX — начале XX в.

Подобное прочтение правомерно, так как отражает определенную (позднюю) народную традицию, сложившуюся в условиях забвения изначального смысла узора. О том, что такое «прочтение» не могло быть первичным, говорит ряд структурных несовпадений. Главные: юлианский календарь представляет собой полный годовой круг; вышитый «месяц» (похожий на «гусеницу») разомкнут, в чем можно видеть отражение древних календарей, которые всегда были *неполными*, распространявшимися лишь на часть года². Число делений на «гу-

сенице» непостоянно, колеблется от 57 до 73, в любом случае оно не равно и не кратно числу дней юлианского года (что и невозможно с учетом високоса). Следовательно, узор «гусеница» не мог сформироваться на юлианской основе.

П. Е. Рязанов представляет каргопольский календарь как сугубо *женский* (физиологический). Такая трактовка чрезвычайно интересна в русле поисков подобных календарей в искусстве верхнего палеолита³; убедителен ряд аргументов и прочтение символов, особенно при расшифровке розетки-«солнышка». Реальность верхнепалеолитических корней последующих календарных представлений бесспорна (Б. А. Рыбаков усматривает палеолитическую основу таких поздних славянских праздников, как медвежий — 24 марта⁴, змеиные — 25 марта и 14 сентября, почитание рожаниц — 22—23 апреля и 8—9 сентября⁵). Вместе с тем объем и содержание первичных хронологических знаний, а также форма, в которой они фиксировались, далеко не ясны; это относится и к предполагаемым женским календарям, нанесенным на антропоморфных фигурках («палеолитических Венерах») ⁶.

Проблема женского календаря сложна еще и тем, что не определено его историческое место в системе народной культуры. Центральный вывод автора, что ничего подобного данному календарю «нигде в мире пока не обнаружено», свидетельствует отнюдь не в пользу предлагаемого толкования. Тем более, что *не обнаружено* не только в современном мире, но также в прошедшие эпохи — начиная с мезолита. Отсутствие преемственности должно настораживать: мост от верхнего палеолита до нашего времени (с разрывом в 12—14 тыс. лет) перекинуть очень трудно, особенно если учесть данные, говорящие о полном неведении женской физиологии многими народами мира на ранних стадиях их развития (например, отмечаемые еще недавно у аборигенов Австралии⁷). Одним из важнейших вытекающих отсюда следствий была широко распространенная религиозная и даже бытовая традиция непорочного зачатия. В рамках культур, где действовали подобные календари, она была бы невозможна. По-видимому, применение каргопольского узора в качестве индивидуального женского календаря надо рассматривать как его позднее и вольное использование (по принципу «вторая жизнь вещей»).

Таким образом, древний пласт каргопольского календаря, очевидно, не связан с юлианской календарной основой и с женской (в узком смысле этого слова) областью функционирования. Однако в позициях двух авторов можно найти точки соприкосновения: этот календарь мог быть земледельческим и женским, но в широком смысле слова — в силу того, что раннее земледелие было женским занятием.

Итак, резюмируя вышесказанное, можно согласиться, что каргопольский узор первоначально был связан с женским культурным кругом, где он, по-видимому, носил календарный характер (в системе неполных календарей). Чтобы наметить пути к раскрытию первоначального смысла узора «гусеница», ниже предлагаются наблюдения над двумя типами памятников.

1. «Гусеница» несомненно несет в себе какую-то счетную структуру. Однако трудно допустить, чтобы первичный математический аппарат календаря создавался посредством вышивки — это техника трудоемкая и маловариабельная, в условиях поиска и неизбежных корректировок она вообще непригодна. А это значит, что вышитую «гусеницу» надо рассматривать как рисунок (или чертеж) какого-то объекта, который и служил инструментом первичного календарного счета. Судя по характеру изображения, таким инструментом, вероятнее всего, были ожерелья (бусы).

Ожерелье относится к числу древнейших украшений, преимущественно женских (хотя в ряде культур ими пользовались и мужчины). Это было не просто украшение — оно играло роль оберега и потому могло быть единственным предметом женского костюма; о значительном сакральном содержании ожерелья говорит его обычное присутствие в составе погребального инвентаря. Древнее ожерелье полифункционально; при этом, как показывают археологические и эт-

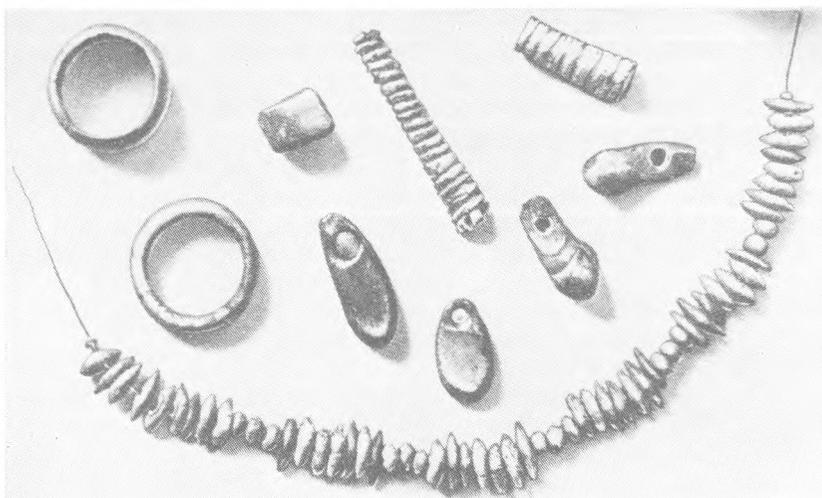

Рис. 1. Костяные бусы (Херсонская обл., конец 3 тыс. до н. э.)

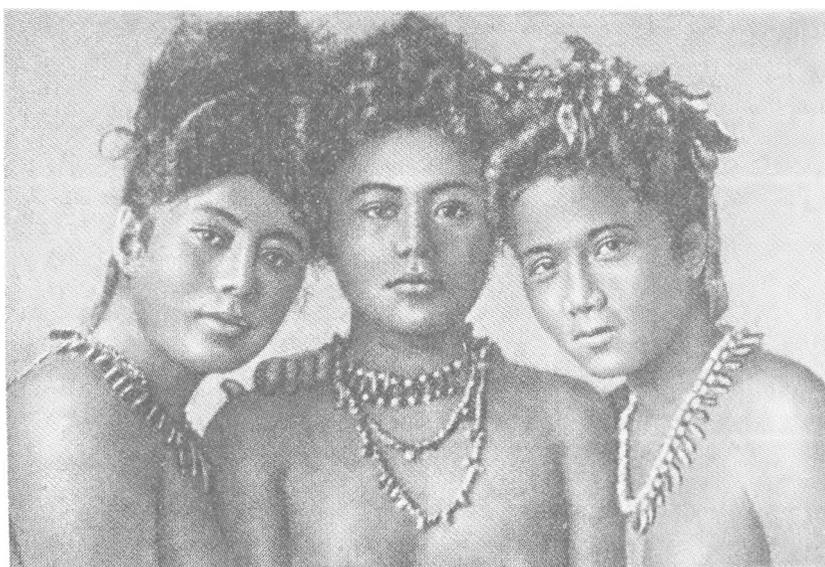

Рис. 2. Самоанские полинезийки в ожерельях

нографические материалы, ему присуща и математическая нагрузка (количество бусин, их ритм). В историческое время применение таких ожерелий было усвоено всеми мировыми религиями; изделия этой поры известны под именем четок. В Европе четки употребляются главным образом в монастырском обиходе; интересно, что введение этой традиции предание приписывает Пахомию Великому (IV в.), основателю монашеского общежития в Египте. Но наибольшее распространение четки получили в странах Азии, где они применяются не только в ритуальных, но и в чисто утилитарных целях, как счетное устройство⁸. Дальнейшее развитие четок в функции калькулирования можно видеть в таком счетном приборе, как канцелярские счеты.

Элементарную счетную структуру (соответствующую основному рисунку «гусеницы») представляют простые бусы, составленные из однородных предметов (бусин) (рис. 1).

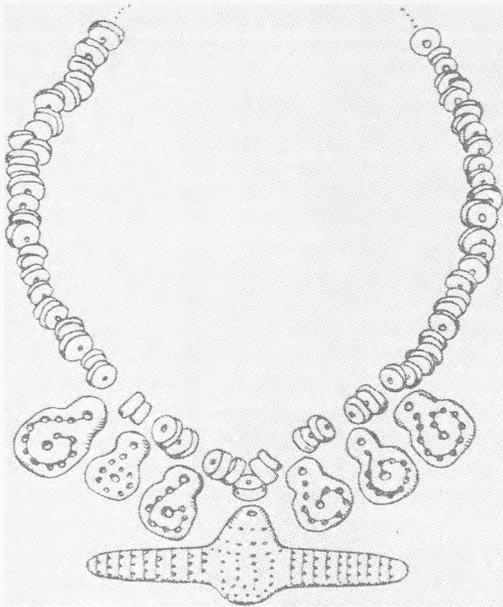

Рис. 3. Ожерелье из палеолитической стоянки Мальта (Сибирь)

Более сложный ритм, сопоставимый с «праздничным рядом» каргопольского узора, создается, когда к основной структуре добавляются счетные элементы другого вида (рис. 2; на рис. 1 подвески, обозначающие «праздники», показаны отдельно). За ожерельем подобного типа из палеолитической стоянки Мальта (Сибирь) признается календарный характер, хотя интерпретатор связал календарную информацию не с ритмом бусин, а с узором на подвесках⁹ (рис. 3).

На каргопольской «гусенице» изображены две продольные линии. Концы одной из них выходят за пределы «гусеницы» и завершаются петельками, напоминая нить, на которую нанизываются бусины. Значение второй линии неясно, она как будто противоречит схеме ожерелья. Однако бусы, крепящиеся на два шнура, также известны этнографам¹⁰; при этом бусины могут быть обычными круглыми и иметь одно отверстие (рис. 4).

Попытаемся определить хотя бы в первом приближении, какую единицу времени обозначала одна бусина первичного календаря-ожерелья и соответственно чему равна «цена деления» на каргопольском чертеже-«гусенице». Обратим внимание на то, что число праздничных знаков на каргопольском календаре равно 38, с учетом концевых петелек — 40. Хорошо известно (это отметил и П. Е. Рязанов), что число 40 в системе числительных древности тождественно понятию «2 человека». Однако «человек» было не только арифметическим, но также и календарным понятием: календарный счет по частям тела был органично включен в индоевропейскую культуру, он восходил к космогоническому мифу о создании мира из тела жертвенного человека (Пуруши)¹¹. Реликты такого счета сохранились в земледельческом календаре современных таджиков: счет в «прямом» направлении (снизу вверх) распространяется здесь на 141 день (1 человек), затем он идет в обратном направлении и в сумме охватывает 282 дня¹² (2 человека). Древнейший римский календарный год также делился на две половины — таким образом, что все праздники приходились на одну из них¹³. Вероятно, каждое из «полугодий» ассоциировалось с понятием «человек»; при общей длительности этого календаря («календаря Ромула») в 304 дня рим-

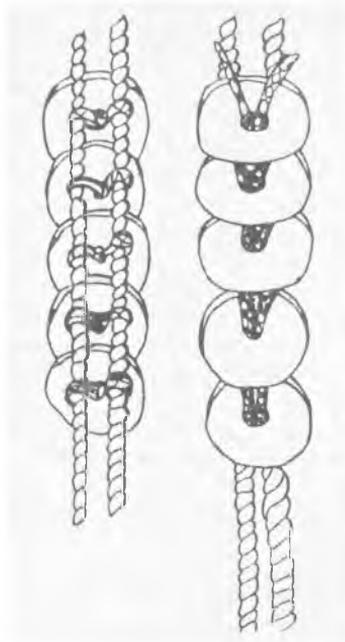

Рис. 4. Раковинные бусы, употребляемые в качестве денег (Новая Гвинея)

ский период «1 человек» должен составлять 152 дня. И наконец, календарный период приднепровских славян IV в. при длительности 128 дней (в прочтении Б. А. Рыбакова)¹⁴ мог восприниматься как временной отрезок, который на сакральном уровне эквивалентен понятию «человек»: по мнению В. К. Кузакова, данный календарь-кувшин является лишь летней половиной общего календаря славян¹⁵. При таком подходе календарные «2 человека» в славянской традиции насчитывали 256 дней.

Итак, календари трех индоевропейских народов, рассмотренные в сопоставимых формах, имеют разные длительности. Каргопольская «гусеница» сближается с этими календарями благодаря мифологеме о Пуруше: можно утверждать, что эта вышивка (по крайней мере на каком-то этапе) отражала календарь некоего индоевропейского народа. Но какого именно? Решить это трудно, поскольку «гусеница» не содержит постоянного числа делений (оно колеблется от 57 до 73).

Но может быть, эта нестабильность узора несет определенную информацию? В рисунках календаря с разным числом делений могли запечатлеться реальные календари с разным числом дней. Это явление возможно в смешанной, полиэтнической среде; в славянской истории такие ситуации, обуславливаемые ассимиляционными и контактными процессами, складывались многократно. В контексте рассматриваемых календарей особый интерес вызывает период III—IV вв. (время создания календаря-кувшина), когда в рамках археологической черняховской культуры поднепровские славяне взаимодействовали со скифскими и сармато-аланскими племенами¹⁶. Есть указание, что подобные контакты имели место и в более ранние периоды: предки индоиранцев и славян входили в «юго-восточную» зону индоевропейского единства¹⁷. К сожалению, до нас не дошли календари скифов и сарматов, но некоторое представление о древней календарной традиции ираноязычных народов может дать вышеупомянутый календарь таджиков. Правомочность такого подхода, кроме чисто культурологических соображений, подкрепляется данными антропологии: в составе антропологического типа современных таджиков отмечен компонент, ареал которого

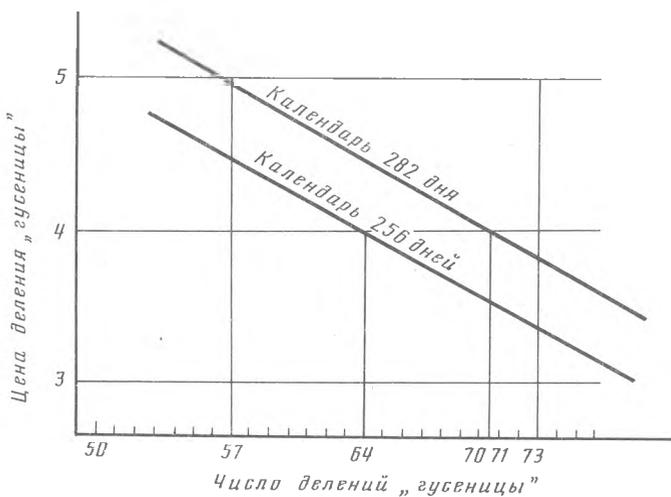

Рис. 5. График связи между протяженностью календаря и его ценой деления

охватывал и южнорусские степи¹⁸. При попытке совместить длительность календарей, представляющих славянскую и иранскую традиции (в 256 и 282 дня), со всеми вариантами каргопольского узора оказывается, что это возможно при цене деления «гусеницы», равной 4 дням (рис. 5). То есть, каргопольская «гусеница» с 64 делениями отражает удвоенный календарь полян (каждая половина «гусеницы» представляет число дней, запечатленных на календаре-кувшине из с. Ромашки Киевской обл.); «гусеница» с 70 (71) делениями — земледельческий календарь иранцев.

Какую календарную единицу отражает период в 4 дня? Обратимся снова к календарю таджиков. За исключением одного периода в 12 дней и трех периодов по 9 дней, он весь состоит из чередования трехдневных сроков (кстати, крупные периоды в 9 и 12 дней кратны 3). Каков смысл этой трехдневки? Б. А. Рыбаков показал, что древней индоевропейской неделей была шестидневная: ее следы есть у славян и германцев, в ряде письменных источников она зафиксирована для согдийцев¹⁹. Тогда малый период таджиков — это половина индоевропейской недели. Но может быть, и тот календарь, который сопрягался с каргопольским узором, строился по тому же принципу, т. е. основывался на счете по полнеделе? Но что такое восьмидневная неделя? Применялась ли она в календарных системах?

Хронологический ритм, основанный на числе 8, ведет на юг Европы, в Переднюю Азию, а также Египет: здесь издавна был известен восьмилетний цикл Венеры; в Древней Греции восьмилетний срок назначался для искупления вины²⁰. Год, состоящий из 8 месяцев, отмечен у этрусков (выходцев из малоазиатской Лидии) и на Руси (Чернигов, X в.)²¹. Наконец, неделя из 8 дней бытовала у этрусков, от которых перешла в календарь Древнего Рима²². Таким образом, движение восьмеричности как определенной идеи в счислении времени обнаруживает общее направление с юга на север: Египет — Малая Азия — Северное Причерноморье и Приднепровье.

Все сопоставления и расчеты, приводимые в этой части работы, носят ориентировочный характер, так как основаны на ряде допущений. И хотя многие положения подкрепляются материалами следующего раздела, полученный здесь результат дает самое общее, приблизительное представление о том математическом аппарате, который, очевидно, был сопряжен с рассматриваемым узором. По всей вероятности, каргопольский узор «гусеница» является рисунком древнего календаря в виде ожерелья, где каждая бусина означала временной период,

Рис. 6. Фрагмент плана святилища-обсерватории в Стоунхендже (Англия)

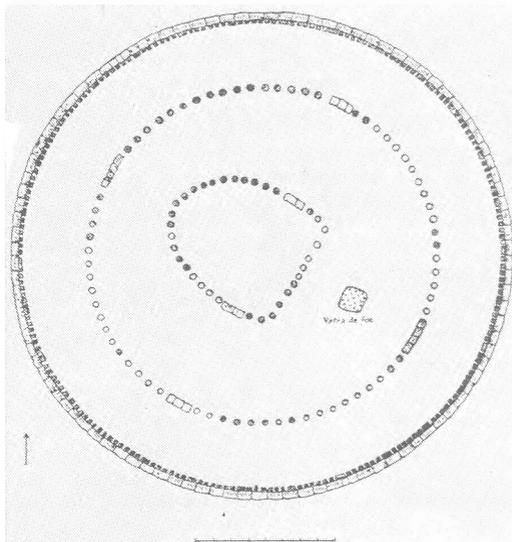

Рис. 7. План святилища-обсерватории в Сармизегетусе (Румыния)

равный 4 дням (половине восьмидневной недели); ожерелье-календарь имеет южное происхождение, хотя регионально довольно неопределенное.

II. Исследование древнего календаря не может ограничиваться изучением его математического аппарата; адекватное «прочтение» календаря возможно лишь при обращении к его естественнонаучной основе — астрономии. В системе неполного календаря, где календарный счет ежегодно начинается заново, простейшие астрономические наблюдения оказываются особенно актуальными, они, в сущности, входят в структуру календаря²³. Здесь важно подчеркнуть, что, поскольку объектами наблюдения являются моменты восходов или заходов солнца в дни солнцестояний или равноденствий, т. е. явления, происходящие на линии горизонта, наблюдения носят круговой, азимутальный характер. Не случайно за всеми палеоастрономическими сооружениями признается календарное значение, некоторым из них даже присвоено название «горизонтальный календарь»²⁴.

В настоящее время исследован целый ряд палеоастрономических комплексов; убедительно раскрыто значение кольцевых мегалитических сооружений, а также одиночных объектов (*менгиров*). Наибольшие сложности для понимания представляют подковообразные фигуры внутри обсерваторий — им в лучшем случае отводится какая-либо второстепенная роль. Отметим две такие фигуры: «подкова» из 19 «голубых камней» в Стоунхендже (рис. 6) и «подкова» из 34 столбов в святилище даков Сармизегетусе (рис. 7). По-видимому, эти конструкции не имели непосредственного астрономического значения, но ясно, что они обладали каким-то другим. Ближайшее по смыслу — счетно-календарное: геометрическое сходство этих фигур и каргопольской «гусеницы» позволяет предположить, что они выполняли аналогичную функцию. Если применить к этим монументальным сооружениям найденную выше календарную единицу — восьмидневную неделю и считать, что каждый элемент здесь обозначал 8 дней, получим, что «подкова» Стоунхенджа охватывает $19 \times 8 = 152$ дня — точно половину

года Ромула, а «подкова» даков $34 \times 8 = 272$ дня — среднее между календарем славян и иранцев. Числовое «решение» данных памятников могло быть и иным; для нас важно, что вероятность календарного предназначения «подков» достаточно высока. А это значит, что каргопольскую «гусеницу» можно рассматривать как рисунок не только календаря-ожерелья, но и подковообразных фигур, возводимых в древних обсерваториях.

Однако эта гипотеза встречает ряд препятствий; наиболее существенное из них состоит в том, что рисунок как «план» или «планировка», т. е. графическое изображение чего-либо при *взгляде* на него *сверху*, представлял значительные, подчас непреодолимые трудности для древних художников. Можно привести множество примеров даже сравнительно недавнего прошлого (из области иконописи, книжной миниатюры XIV—XVII вв.), где художник явно стремился передать планировку монастыря или града, но вместо этого получалось нагромождение построек. Даже чертежи XVIII в., продолжая древнюю традицию, не могли избавиться от сочетания элементов плана с лежащими на нем фасадами зданий. Причину этого курьеза можно видеть в том, что у художника не было реальной, т. е. закрепленной в культурной традиции, точки в пространстве, из которой он смотрел бы на объект изображения *сверху вниз*. В равной мере не было такой точки и у зрителя: если бы художник нарисовал план (в современном смысле слова), то зритель его просто не понял бы. Вся древнерусская живопись опиралась на то, что и художнику, и зрителю свойственно обычное земное, фронтальное видение мира. В этом рассуждении трактовка каргопольского узора как рисунка палеообсерватории, сделанного «с высоты птичьего полета», идет вразрез с местными художественными принципами.

Но, говоря о календарно-астрономических сооружениях Дакии или Британских островов, мы выходим за пределы славянской культуры, и причем не только территориально, но и хронологически (применительно к святилищу в Сармизегетусе это следует понимать таким образом, что у указанной постройки конца I в. н. э. были предшественники, в том числе датируемые III тыс. до н. э.²⁵). Иными словами, создателями подобных обсерваторий были не славяне и, очевидно, не индоевропейцы, а это значит, что здесь действовали иные художественные принципы.

Приняв это условие, рассмотрим некоторые аспекты археологической культуры Триполья-Кукутени, ареал которой распространился от Среднего Днепра до низовий Дуная и Карпат (на поздних этапах она была синхронна той культуре, которая создала мегалитический Стоунхендж). Среди богатой и разнообразной символики этой культуры исследователи давно обратили внимание на знак перекрещенного ромба с точками, видя в нем идеограмму засеянного поля, причем линии внутри поля А. К. Амброз понимает как сетку борозд или даже как «невысокие земляные валики, которыми делилось пахотное поле в условиях поливного земледелия»²⁶. Такую картину можно увидеть с некоторой высотой. Этот знак — как зарисовка поля, выполненная в сухой топографической манере, — безусловно был понятен и художнику, и зрителю, в этом — условие его сакральности. Знак этот дошел до нас на изделиях из глины — статуэтках и посуде. Принимая, что древнейшее гончарство было женским делом²⁷, можно считать, что роль художника здесь исполняла женщина; но и зрителем также, по-видимому, была она: посуда как кухонный инвентарь и статуэтки как принадлежности аграрного культа сопровождали ее повседневную и праздничную жизнь.

Феномен «взгляда сверху» вряд ли можно объяснить, исходя из каких-либо фактов реальной жизни. Но многое становится понятным, если обратиться к космологическим представлениям трипольцев, закодированным в орнаментальных композициях. Энеолитическим племенам Приднепровья Вселенная представлялась состоящей из трех ярусов — Земли, Воздушного пространства и Неба с запасами воды. Самый яркий и оригинальный момент: Небо наделялось женскими атрибутами (тучи — груди, дождь — материнское молоко), а может быть,

казалось существом женского пола — Великой Матерью, Прародительницей²⁸. Таким образом, *взгляд сверху* был запрограммирован трипольской мифологией: им наделялся центральный (или единственный) мифический персонаж — Женщина. Отсюда с необходимостью следует, что в ритуальной практике к этому взгляду приобщалась каждая земная женщина.

Трипольская культура заканчивает свое существование в 3-й четверти III тыс. до н. э.²⁹, но не исчезает бесследно: она растворяется в ряде других культур, в том числе тех, которые затем участвовали в формировании славянской культуры. Б. А. Рыбаков считает вероятным, что часть трипольских племен стала субстратом обособившихся праславян³⁰. Славянская духовная культура безусловно испытала влияние идеологических построений Триполья, хотя последние образовали здесь лишь дериваты ценностей. Славянам, как и всем индоевропейцам, присуще отношение к небу как к мужскому началу; но в то же время как поэтический образ (не подкрепленный ритуальными действиями) встречается уподобление дождя молоку, а туч — женским грудям и коровьему вымени³¹. В созвучии с этими представлениями и ромбовидный символ, широко распространенный в славянской вышивке; о его вторичности говорит то, что его исконный смысл давно забыт — он именуется «лягушкой», «жабой», «репеем», и даже «гусаром». Возможно, «гусеница» Каргополья (как изображение определенного плана) имеет тот же источник, что и шашечный ромб, и тот же механизм утраты первоначального смысла³².

Такой подход делает возможным отнести каргопольский узор к восточно-европейскому энеолиту, но не дает ответа на вопрос о содержании рисунка: в культуре Триполья-Кукутени пока не обнаружено круговых обсерваторий. Хотя они, вероятно, были — косвенным свидетельством их существования являются поздние славянские святилища Поднестровья, такие, как, например, у с. Ржавинцы Черновицкой обл., представляющее менгиром высотой 2,5 м и двумя незамкнутыми валами; своеобразной «подковой» с размещенными на ней восемью площадками был окружен знаменитый Збручский идол³³. Для решения поставленной задачи необходимо привлечь более широкие культурно-исторические параллели.

Ход дальнейших поисков мог бы быть простым и коротким, если бы генезис трипольской культуры был выявлен с достаточной глубиной и ясностью. Однако четкого представления об истоках этой культуры еще не сложилось: рассматривается вероятность ее происхождения с Нижнего Подунавья или из Трансильвании, отмечены непрерывные связи трипольцев с населением Балкан (и в меньшей степени — Малой Азии), установлено, что трипольцам был свойствен средиземноморский антропологический тип, распространенный в то время на Балканах и в Подунавье³⁴. Дальнейшие нити на этом как будто обрываются.

Обратимся к основной космологической концепции трипольцев, согласно которой Небо ассоциируется с женским началом. На всем пространстве европейской, переднеазиатской и североафриканской мифологии этот мотив встречается только однажды — в Египте, это образ небесной коровы или богини Нут, простертой над богом земли Гебом. При этом важно отметить, что речь идет о довольно архаичном этапе в развитии египетской религиозной мысли: начиная с V династии Древнего царства (середина III тыс. до н. э.), когда главным божеством Египта становится Ра, представление о «женском небе» теряет актуальность. Это можно объяснить тем, что носителем рассматриваемого представления был лишь один из немногих исходных компонентов древнеегипетского этноса, не занявший к тому же господствующего положения. Отсюда следует, что родина этого представления не Египет. Но кто и откуда принес его на берега Нила?

Миф тесно связан с ритуалом; ритуальная практика зачастую обнаруживает большую живучесть, чем соотнесенный с ней миф. В данном случае речь идет о ритуале, повторяющем те или иные элементы *священного брака* космических супругов. Для сравнения можно вспомнить, что в индоевропейской концепции,

где Небо надделено мужскими чертами, оно оплодотворяет Мать-сыру-землю посредством дождя; одним из ритуалов, соответствующих этому мифу, было обливание водой девушек и женщин в ходе определенных календарных обрядов³⁵.

В рамках противоположной диспозиции культовая практика, ритуально способствующая космическому браку, должна была выглядеть иначе. Есть основания связывать ее с воздвижением достаточно высокого камня (*менгира*): в традиции одиночных мегалитов археологи видят фаллическую символику³⁶. Таким образом, менгир как фаллос Земли (или ее бога) должен маркировать матрицелярную культуру³⁷. В Египте менгиры известны, но их мало и встречаются они лишь на периферии страны: каменные столбы сохранились на древнем кладбище в Анибе. По-видимому, культовые действия, связанные с почитанием менгиров, не стояли в центре ритуальной жизни Египта. В то же время известно, что этот культ был присущ ливийским племенам: «ливийцами» египтяне (а затем и античные авторы) называли все народы, жившие к западу от Египта. Предполагают, что именно их навыки работы с крупными каменными блоками легли в основу строительного искусства Древнего Египта³⁸.

Исследованиями последних десятилетий установлено, что культурами, предшествовавшими египетской и во многом служившими ее источниками, были культуры сахаро-суданского неолита, начало которых датируется VIII тыс. до н. э. Судя по наскальным изображениям, сохранившимся в горных районах Сахары, и по археологическим находкам, ряд религиозных верований и обрядов (культ быка, барана, сокола, мумификация трупов) зародился здесь и отсюда пришел в Египет³⁹. Однако определение сахарных культур как мегалитических весьма проблематично: пустыня, а также утвердившийся здесь ислам систематически разрушали древние памятники. Лишь несколько столбов и камней, похожих на фаллические, найдены в Тассилин-Аджере, небольшой менгир отмечен на нагорье Аир. Эту коллекцию могут пополнить фаллические сюжеты на фресках⁴⁰, но этого явно недостаточно. Вместе с тем положение нельзя считать безнадёжным: памятники культуры хорошо сохраняются в районах, являющихся естественными изолятами. Роль такого изолята для сахарской культуры сыграли, во-первых, Канарские острова: здесь имеются многочисленные менгиры и стелы, сопровождаемые кругами из камней; некоторым мегалитам придана форма фаллоса, часть сооружений обнаруживает азимутальную ориентацию⁴¹. Другой изолят можно видеть на крайнем юге Сахары — это район современного Буара, лежащего на водоразделе между бассейнами оз. Чад и р. Конго. Здесь на сравнительно небольшой площади обнаружены сотни мегалитов высотой 3,5 м и более. Одна из датировок указывает время жизнедеятельности этой культуры — VI—V тыс. до н. э.⁴².

Подтверждением того что мегалитам Сахары действительно соответствовала матрицелярная картина мира, служит то обстоятельство, что мифологема «женского» Неба встречается (кроме указанных выше случаев) в религии африканских фульбе — народа «загадочного происхождения», многие элементы культуры которого распознаются на фресках нагорий Северной Африки⁴³.

Итак, поиски источника матрицелярной идеи привели нас в неолитическую Сахару. Однако для темы статьи важна не матрицелярность сама по себе, а связанные с ней хронологические знания носителей этой идеи и их способность изображать планировки, в частности планы круговых обсерваторий.

История календаря (как наука) переживает сейчас очередной этап своего развития, когда разрабатываются древнейшие аспекты времяисчисления, уходящие к эпохам неолита и, возможно, верхнего палеолита. Классический раздел этой науки родиной календарных представлений считал Египет. Эта традиция жива и поныне: например, О. Нейгебауер называл египетский солнечный календарь «единственным разумным календарем во всей человеческой истории»⁴⁴. Если это и соответствует действительности, то естественно ожидать, что столь высокая культура должна иметь глубокие корни. Хронологическая глуби-

на, которой достигают эти корни, интересовала уже древних. Так, Диоген Лаэртский сообщал, что у жрецов Египта имелись записи 373 солнечных и 832 лунных затмений — из чего следовало, что наблюдения велись не менее 10 тыс. лет; по Геродоту, письменные источники египтян уходят в прошлое на 17 тыс. лет; египетский жрец Манефон написал историю своей страны, начав хронологию от 30 627 г. до н. э.; есть указания и на более ранние даты⁴⁵. Как бы ни относиться к этим цифрам, они свидетельствуют о повышенном внимании египтян к времениисчислению. Но если в приведенных данных содержится хоть какой-то элемент реальности (т. е. если они выходят за пределы истории Египта, начавшейся в IV тыс. до н. э.), это должно означать, что хронология зародилась не здесь — ее создали предшествующие общества. Египет уже унаследовал эту культуру.

На вероятность последнего варианта указывает конструкция солнечных часов, унострелявшихся в Древнем Египте. При анализе этих часов обнаружено, что их строители исходили из такого соотношения самого длинного и самого короткого дня, которое не соответствовало ни одной точке египетского государства даже в период максимального расширения его территории и имело силу только для 15-й параллели (широты Хартума, северного побережья оз. Чад, южной оконечности плато Аир)⁴⁶. Таким образом, «патент» на изобретение солнечных часов принадлежит не Египту, а какой-то неизвестной нам высокой культуре, расположенной ближе к экватору.

Связь мегалитической культуры с астрономией и календарем хорошо прослежена на западноевропейском материале. Установлено, что одиночный мегалит (в паре с дальним визиром) позволяет наблюдать единичное явление в жизни неба (например, момент солнцестояния или равноденствия). Более широкие возможности предоставляет группа камней, определенным образом расположенных относительно центрального менгира (например, по кругу): это создает систему визирных линий, соответствующих разным календарным датам. Отсюда следует, что основу сакрального отношения к камням, выложенным по кругу (строго говоря, составляющим часть окружности), можно видеть в их календарно-обсерваторной функции.

Как указывалось выше, от времени сахарского неолита почти не сохранилось мегалитов, но зато широко представлены каменные круги и, что особенно важно, круги неполные, «полукруги», предварительно датируемые VI—III тыс. до н. э.⁴⁷ Обычно в них видят остатки (фундаменты) хижин; однако А. Лот установил, что каменный фундамент — отнюдь не обязательный элемент сахарского жилища, а на плато Аир он обнаружил круглые хижины, для которых лежащие по периметру камни служили украшением⁴⁸.

Кольцевые объекты Сахары еще не исследовались на предмет выявления древних обсерваторий; но опубликованный А. Лотом рисунок «ансамбля, носящего явно символический характер»⁴⁹ (рис. 8), может быть прочитан как чертеж такой обсерватории. Внутренний объект составлен из трех вертикальных камней; это не обязательно «символ солнца»: в древнем мире любой обелиск считался источником света (вспомним римскую стелу: *stella* — звезда). У одной стороны окружности изображено пять камней, помеченных бычьими головами, — возможно, они маркируют наиболее значительные календарные вехи. Правее показан один камень и знак Луны — в этой обсерватории (как и в Стоунхендже) следили не только за солнечными, но и за лунными циклами. Подчеркнем, что это чертеж, сделанный при взгляде на обсерваторию *сверху*. Чертеж достаточно ясный, он вполне характеризует изображенное сооружение как простую подковообразную фигуру, развитые варианты которой мы видим в более поздних постройках. Вместе с тем это рисунок короткого «неполного» календаря, опирающегося на пять годовых праздников. Сейчас трудно что-либо сказать о длительности этого календаря: обращаясь к схеме ожерелья, находим, что художник не показал здесь рядовые «бусины» — малые камни (очевидно, потому, что эти бусы всегда имел при себе) и выделил лишь те, что в ожерелье

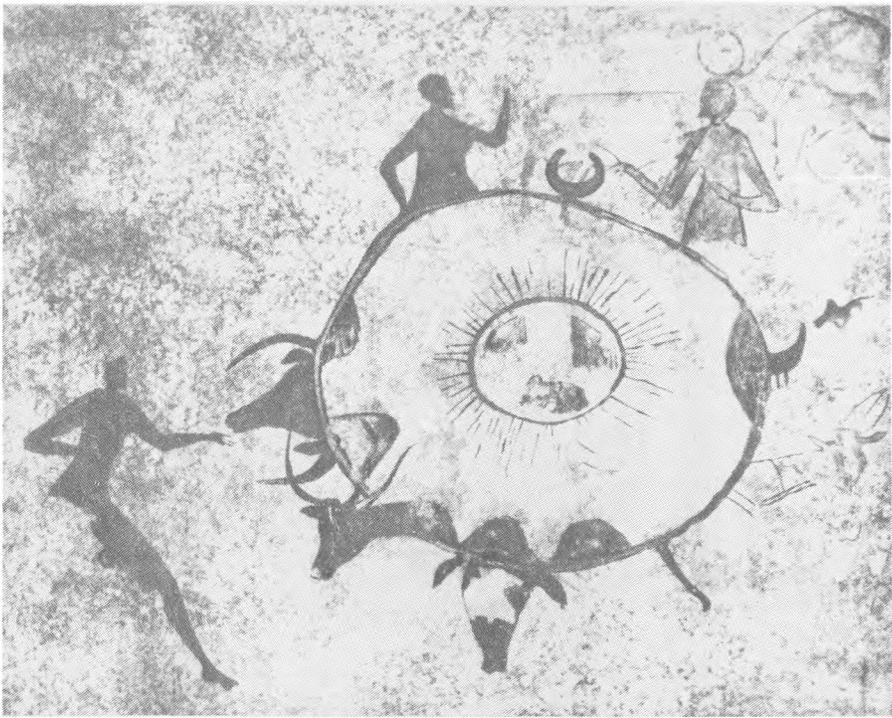

Рис. 8. Наскальный рисунок в Тассилин-Аджере (Сахара, 5—3 тыс. до н. э.)

представлены праздничными подвесками. Таким образом, здесь в сущности своеобразная «выписка из календаря», набор его праздничных символов.

Возможно, дальнейшее целенаправленное изучение сахарских древностей позволит выявить еще целый ряд объектов астрономического и календарного характера, но даже имеющиеся данные в их совокупности убеждают в том, что здесь, в неолитической Сахаре, была создана матрицеллярная картина мира, начаты астрономические (азимутальные) наблюдения солнца и создан солнечный календарь. Построенный на местности в виде крупных камней-визиров, выложенных по кругу, этот календарь был, очевидно, продублирован в ожерельях (в древней Ливии культура ожерелий была чрезвычайно развита; на египетских и критских росписях «ливийцев» изображали непременно в ожерельях). Более того, именно матрицеллярная культура, которой было свойственно топографическое видение земных объектов, оказалось способной создать рисунок этого календаря — как план мегалитической обсерватории.

Дальнейшая история сахарских культур развивалась драматично. Ближайший ее этап хорошо известен: племя или группа племен — носителей матрицеллярной идеи — вошли в состав древнеегипетского этноса. Естественно ожидать, что вместе с идеологическими конструкциями, хронологическими знаниями и навыками ремесла (работы по камню) в Египет были принесены и определенные художественные принципы, в частности связанные с вычерчиванием планов. И действительно, в Древнем Египте известны рисунки, представляющие геометрически точные планировки: таково, например, изображение виллы в Тель Амарне⁵⁰. Свою страну египтяне обозначали картинным иероглифом плоской голубой поверхности, иногда разделенной оросительными каналами на ряд обработанных участков⁵¹, — тот же принцип, что и в трипольском шашечном ромбе. Египетские иероглифы, обозначающие «дом», «двор», ясно показывают планировку того и другого; с ними хорошо сочетается критская логограмма «дворец»⁵².

Египетское искусство знало и рисунки круговых фигур, в принципе соотно-

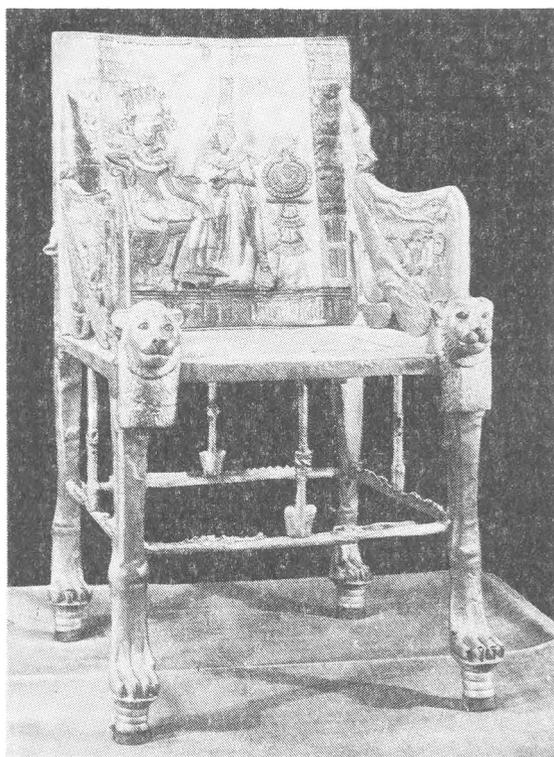

Рис. 9. Трон фараона Тутанхамона (XIV в. до н. э.)

симые с рассмотренным изображением на фреске Тассили. Для примера приведем оригинальную композицию, нанесенную на спинке трона фараона Тутанхамона и безусловно представляющую священный символ (рис. 9). Интересно, что этот круг не замкнут на вершине, он образован своеобразным ожерельем и в этом смысле напоминает каргопольскую «гусеницу». В тронном узоре удастся насчитать 33 или 34 звена (величина, близкая или равная числу столбов в «подкове» дакийской Сармизегетусы) — возможно, сакральность этого символа определялась его календарным и астрономическим характером.

Область влияния матрицеллярной культуры Северной Африки не ограничилась Египтом, но распространилась если не на все Средиземноморье, то на его восточную (включая Крит и Грецию) и западную (Пиренейский полуостров) зоны. Это «влияние» представляется в значительной мере вынужденным: население Сахары, вытесняемое пустыней (процесс аридизации этого региона начался в V или даже в конце VI тыс. до н. э.⁵³), покидало обжитые земли и двигалось по всем возможным направлениям. На север (в Европу) мигранты могли попасть двумя путями: западным — через Гибралтарский пролив и далее вдоль побережья Атлантики — и восточным — через Переднюю и Малую Азию на Балканы и в Северное Причерноморье. На эти направления указывал еще В. Н. Даниленко (правда, вне связи с сахарской проблемой)⁵⁴. Эти два пути прослежены А. А. Формозовым как маршруты распространения египетского культового изображения солнечной ладьи⁵⁵ (но точнее это изображение надо считать *сахарским*, поскольку оно встречается среди наскальных рисунков Тассилин-Аджер, Нубии, Судана, Канарских островов). Западный путь ясно маркирован рядом археологических культур, относимых к категории мегалитических⁵⁶; знаменательно, что в зоне мегалитических сооружений при раскопках часто встречаются «египетские» бусы и амулеты⁵⁷.

Нас в наибольшей степени интересует восточный путь распространения североафриканской культуры. Говоря о проникновении североафриканцев в Европу, следует поставить вопрос об антропологическом типе мигрантов. Сейчас считается установленным фактом расовая однородность автохтонного населения Северной Африки: оно принадлежало к большой европеоидной расе и включало два типа — средиземноморский и атлантический (в виде вкраплений присутствовали и другие антропологические типы)⁵⁸. Египетские росписи запечатлели светлокожих голубоглазых «ливийцев» конца II — начала I тыс. до н. э. По-видимому, так же выглядели представители доиндоевропейского населения Эллады — пеласги; их вероятных потомков, фракийцев, своеобразно описал древнегреческий философ Ксенофан: в рассуждении о том, что боги древних народов похожи на эти народы, он отметил, что фракийцы представляют своих богов голубоглазыми и рыжеватыми⁵⁹. Интересно, что эта иконография божества сохранялась и в период греческой архаики (VII—VI вв. до н. э.): мраморная скульптура раскрашивалась таким образом, чтобы показать волосы золотистыми, а зрачки глаз синими⁶⁰. Источник этого типа — в Северной Африке: считалось, что Осирис был рыжим, поэтому в ежегодных мистериях египтяне приносили в жертву рыжеволосых людей, которые символизировали Бога⁶¹. Для вопроса о продвижении этого типа дальше на север представляет интерес утверждение Геродота, что он был распространен у племени будинов, населявших в V в. до н. э. земли между Верхним Доном и Средней Волгой⁶².

Важнейшей вехой на восточном пути стала Эгеида. Первые волны мигрантов с юга и юго-востока стали прибывать сюда, начиная с эпохи керамического неолита (VI тыс. до н. э.)⁶³. Первооткрыватель минойской культуры (IV тыс. до н. э.) А. Эванс выдвинул гипотезу о ливийском происхождении этой культуры и самих обитателей о-ва Крит. Сейчас вопрос о миграциях в этом регионе является остродискуссионным: они либо отрицаются, либо признаются, но в сравнительно позднее время (III тыс. до н. э.)⁶⁴. Особое место в этой дискуссии занял Ю. К. Поплинский: по его мнению, в древности все страны Средиземноморья, включая Сахару, образовывали единый этнокультурный комплекс. Центр этого комплекса, т. е. зона, откуда исходила более сильная инициатива к осуществлению контактов, обладал подвижностью — с течением времени он неоднократно перемещался. В период неолита и вплоть до III тыс. до н. э. роль центра играла Северная Африка (с Сахарой)⁶⁵. Исходя из этой теории, миграции из Африки в это время не вносили в культуры народов Средиземноморья чего-то инородного: суть процесса была в том, что шло территориальное перераспределение одной культуры.

Культурные связи между Северной Африкой и странами Эгейского бассейна бесспорны, о них можно судить по разнообразным и многочисленным памятникам. Самым убедительным свидетельством культурной общности этих регионов является стилистическое единство глиняных статуэток с изображением женщины⁶⁶. Характерно, что это раннеминойское божество представлялось его поклонникам *витающим в небе*⁶⁷.

О связях Триполья с культурами Балканского полуострова, а также о единстве антропологического типа на этих территориях говорилось выше. Но как осуществлялись эти связи, полной ясности нет. Г. Чайлд считал трипольскую культуру пришедшей из областей Восточного Средиземноморья⁶⁸. С. Н. Бибииков находил, что мигранты с юга составили один из компонентов этой культуры⁶⁹. Единая космогоническая модель мира (матрицеллярная), обнаруживаемая в Триполье и Северной Африке, говорит в пользу такой миграции. Наглядный след южных корней жителей Триполья можно видеть в том, что луна как элемент трипольского орнамента изображалась «рогами вверх»⁷⁰: лунный серп может иметь горизонтальное положение в тропической зоне, в частности на широте Южной Сахары. И если к этому добавить присущий трипольцам культ женского начала (обилие женских фигурок), а также топографическую манеру рисования, можно с уверенностью говорить о том, что рисунок кольцевого узора, напо-

минающего ожерелье, гусеницу или некое подковообразное сооружение, был вполне понятен обитателям Приднепровья IV—III тыс. до н. э.

Разумеется, было бы полезно убедиться в том, что этот узор для них — не только «читаемый» символ, но и живая реальность, т. е. что астрономические наблюдения того времени осуществлялись на обсерваториях подковообразного вида. Некоторые соображения на этот счет приводились выше. Важнейшим элементом таких обсерваторий (и вместе — центральным культовым объектом) должен быть фаллоподобный менгир. Мегалитов на юго-востоке Европы гораздо меньше, чем на западе, и к тому же они почти не изучены. Для примера укажем так называемый Конь-камень в современной Тульской области⁷¹ — в зоне обитания геродотовых будинов, каменные столпы в горном Крыму и в Болгарии (о последних сообщает житие Климента Охридского⁷²). Если предположить еще несколько утраченных экземпляров, можно считать, что этого количества (10—15 объектов) достаточно для функционирования астрономической службы, тем более если учесть наличие прямых, тесных связей с западом континента⁷³. С другой стороны, развитие подобных комплексов на Британских островах показывает, что параллельно с каменными конструкциями существовали и деревянные (Вудхендж неподалеку от Стоунхенджа). Триполье могло пойти по упрощенному варианту: вместо каменных глыб водружать деревянные столбы.

Идея матрицеллярности обнаруживается не только в рассматриваемой сфере, она сопрягается с рядом мифопоэтических и ритуальных элементов, не имеющих прямой связи с астрономией и календарем. Со временем эти элементы отрываются от единой религиозной системы и получают самостоятельное существование. Выявление этих элементов и их географического распространения может послужить дополнительным аргументом в пользу постулируемого здесь положения о миграции исходной идеи — кругового календаря и его рисунка — узора «гусеница».

Богатый материал представляет греческая мифология. Она включает сюжет, прямо отражающий факт переселения «ливийцев» в Грецию (миф о Дане и 50 его дочерях). Рассказ о девушке Ио, превращенной в корову, крайними точками ее странствий называет Египет и Скифию — в этом можно видеть память о том пути, который прошли мигранты со своими стадами. Особый интерес представляет образ богини Афины. Ее культ греки заимствовали у аборигенов Эллады — пеласгов⁷⁴. Она безусловно происходит из пантеона того общества, для которого Небо связывалось с женским началом. Афина причастна к Небу: по троянскому преданию, ее изображение (палладиум) упало с Неба, поэтому Троя находилась под особым покровительством этой богини. Афина рождена Зевсом — почему столь странные «роды»? В этом, видимо, отразились представления матрицеллярных земледельцев: урожай для них — это плоды, порожденные землей как мужским началом. На вопрос, откуда пришла в Эгеиду Афина (а точнее, почитающее ее общество), во многом отвечает костюм богини (на вазовых росписях): дева-воительница изображалась закутанной в козью шкуру без шерсти или одетой в кожаную юбку и такую же накидку. По мнению Геродота, это одеяние богини точно соответствует костюму женщин Ливии и было заимствовано эллинами у последних (История. IV. 189). Но истина, видимо, в том, что заимствована сама богиня. Еще одно соображение в пользу этого: одним из культовых животных Афины была сова; это значит, что в отдаленной древности культу Афины предшествовал культ совы. Это довольно редкое культовое животное. Но не так давно в наскальных росписях Тассилин-Адждера обнаружено до 40 изображений сов, а на северных отрогах Тассили найдено 9 фаллических столбов, украшенных человеческими фигурами с совиными головами⁷⁵. Не здесь ли родина Афины-совы?

В связи с вопросом о мужской атрибуции земли представляет интерес обряд, при котором приверженцы этого представления не возводят гигантских стел, а довольствуются весьма миниатюрными предметами. Речь идет об обряде «похороны Германа», который еще недавно совершался ради вызывания дождя

в Болгарии, и причем на территории, некогда занятой северофракийскими племенами. Основной реквизит обряда — глиняная фигура обнаженного человека с большим фаллосом⁷⁶. Его смерть символизировала погибающую от засухи землю. Герман олицетворял эту землю или был ее богом (подобие египетского Геба).

Для религиозного мышления древности вода не была монолитной субстанцией: ее свойства разнились во времени (сакральность воды резко возрастала в определенные календарные праздники), они зависели также от топографии и космографии источника вод. Выше указывалось на различие Небесных вод сообразно с космологическим взглядом на Небо: Дождь «мужской» — оплодотворяющий, Дождь «женский» — питательный. Столь же по-разному воспринимались последователями полярных «основных мифов» и земные воды. Матрицелярной теории (где Земля — «мужская»), очевидно, должно быть свойственно отношение к воде Земли так же, как к «мужской». (Или в обратном рассуждении: известные факты такого отношения к земным водам должны рассцениваться как признак матрицелярной концепции мира). Наиболее ярким среди подобных фактов является широко распространенное в Древней Греции представление о том, что детей даруют женщинам воды (или божества) рек⁷⁷. Следы этой идеи в северном и восточном регионах: 1) циклическая теория зороастризма предусматривает прецеденты, повторяющиеся раз в тысячелетие: купающаяся в священном озере девственница выпивает глоток воды, от которого беременеет и рождает мальчика, сына Заратустры⁷⁸; 2) в славянском свадебном обряде невеста теряет «девью красоту» несколько ранее встречи с женихом, в частности при мытье в бане, где присутствовал волхв, а позже просто банщик — персонажи, в которых исследователи видят воплощение духа воды⁷⁹. Нити этого представления уходят в Северную Африку: Анри Лоту удалось прочитать один из рисунков в Тассилин-Аджере как сцену ритуального купания крупного рогатого скота, цель которого — предохранение животных от бесплодия⁸⁰.

Приведенные примеры иллюстрируют продвижение некоторых традиций и представлений, зародившихся в неолите Северной Африки, в область славянской культуры, убеждая в наличии реального механизма, обеспечивающего это движение. Таким же образом мог мигрировать художественный принцип, предусматривающий изображение предметов «в плане», т. е. при взгляде на них сверху. Зарождение этого принципа связывается с мифологемой «женского» Неба, простертого над «мужской» Землей, маркированной фаллоподобным менгиром. Иными словами, все культуры древности на основании принятой ими космологической схемы могут быть разделены на две категории: матрицелярные и патрицелярные; топографический метод изображения был присущ первой из них.

Для людей, возводивших мегалитические объекты, менгир стал зародышем азимутальной обсерватории. Но наблюдать небо — значит считать дни, поэтому рядом с мегалитом появляются другие камни, лежащие по кругу и обозначающие некие первичные календарные единицы («недели» или ее половины) и крупные праздничные даты: обсерватория становится круговой. Ее вид (вид сверху) походил на огромное ожерелье, так ожерелье становится изображением того «храма», где сочтены важнейшие сроки в жизни Земли и Неба, и вместе с тем становится формой календаря. Следующие этапы: нарисовать план календаря-обсерватории на поверхности скалы, на спинке трона, вышить на ткани.

Итак, каргопольский узор как изображение календаря, тесно связанного с азимутальной астрономией, по-видимому, обязан своим происхождением неолитическим племенам Северной Африки, донесшим его до Северного Причерноморья и, возможно, до днепровского Триполья. Столь долгая его сохранность свидетельствует о том, что этот календарь продолжал функционировать и после растворения трипольских племен в местных обществах; а нестабильное число делений на дошедшем до нас узоре «гусеница» говорит об использовании календаря разными, но взаимодействующими между собой народами. Такое бытова-

ние древнего кругового календаря длилось не одно тысячелетие (вероятно, он был еще «читаем» в первые века I тыс. н. э.) — это, несомненно, оказало благотворное влияние на календарные традиции новых европейских народов. В дальнейшем исконный смысл календаря и его математический аппарат были забыты; рисунок продолжал употребляться преимущественно в магическом и декоративном плане, хотя память о присущем узору календарном значении побуждала привязывать к нему позднюю (юлианскую) систему.

Рассмотренный календарь служит подтверждение глубоких этнокультурных связей древнего мира, показывая, что так называемые высшие знания области астрономии и календаря человечество добывало сообща, в преемственность движения культуры.

Примечания

- ¹ Дурасов Г. П. Каргопольские народные вышивки-месяцесловы // Сов. этнография (далее — СЭ). 1978. № 3. С. 139—148.
- ² Власов В. Г. Русский народный календарь // СЭ. 1985. № 4. С. 26—33.
- ³ Фролов Б. А. Числа в графике палеолита. Новосибирск, 1974, Ларичев В. Е. Лунно-солнечная календарная система мальтинской культуры. Лунно-солнечный идол. Новосибирск, 1984 (препринт).
- ⁴ Календарные даты здесь и далее — по юлианскому календарю.
- ⁵ Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981. С. 8—23, 97—123, 200, 316, 400—465.
- ⁶ Власов В. Г. К вопросу о календаре верхнего палеолита // Сов. археология. 1989. № 2. С. 5—15.
- ⁷ Элькин А. Коренное население Австралии. М., 1952. С. 149—150, 179.
- ⁸ Заславская Ф. А. «Мунчок» из Караул-Тепе, сумарни и счетные палочки // Индийская культура и буддизм. Сб. статей памяти акад. Ф. И. Шербатского. М., 1972. С. 179—184; Жуковская Н. Л. Четки // Наука и религия. 1985. № 3. С. 38—39.
- ⁹ Ларичев В. Е. Лунно-солнечный календарь погребения Мальты и проблема палеокосмогонических аспектов семантики образов искусства древнекаменного века Сибири // Каменный век Северной, Средней и Восточной Азии. История и культура Востока Азии. Новосибирск, 1985. С. 63—83.
- ¹⁰ Липс Ю. Происхождение вещей. Из истории культуры человечества. М., 1954. С. 217.
- ¹¹ Брагинская Н. В. Календарь // Мифы народов мира. Т. I. М., 1980. С. 614.
- ¹² Мухитдинов И. Народный земледельческий календарь памирских таджиков (XIX — начало XX в.) // Памироведение (сборник статей). Вып. 1. Душанбе, 1984. С. 153—157.
- ¹³ Лебедев Д. К истории времисчисления у евреев, греков и римлян. Пг., 1914. С. 134.
- ¹⁴ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 177—190.
- ¹⁵ Кузаков В. К. Очерки развития естественнонаучных и технических представлений на Руси в X—XVII вв. М., 1976. С. 59.
- ¹⁶ История Европы с древнейших времен до наших дней. Т. I. Древняя Европа. М., 1988. С. 616—617.
- ¹⁷ Горнунг Б. В. Из предыстории образования общеславянского языкового единства. М., 1963. С. 35.
- ¹⁸ Алексеев В. П. Историческая антропология и этногенез. М., 1989. С. 338—344.
- ¹⁹ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси... С. 184.
- ²⁰ Нейгебауер О. Точные науки в древности. М., 1968. С. 136; Церен Э. Лунный бог. М., 1976. С. 302; Аполлодор. Мифологическая библиотека. Л., 1972. С. 38, 51, 152, 165.
- ²¹ Немировский А. И. Этруски. От мифа к истории. М., 1983. С. 7—49; Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси... С. 329—343.
- ²² Бикерман Э. Хронология древнего мира. М., 1976. С. 54.
- ²³ Власов В. Г. Русский народный календарь... С. 27—32.
- ²⁴ Вуд Дж. Солнце, Луна и древние камни. М., 1981. С. 244.
- ²⁵ Монгайт А. Л. Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. М., 1974. С. 86.
- ²⁶ Амброз А. К. Раннеземледельческий культовый символ («ромб с крючками») // Сов. археология. 1965. № 3. С. 22; Рыбаков Б. А. Космогония и мифология земледельцев энеолита // Сов. археология. 1965. № 1. С. 29, 31; Энеолит СССР. М., 1982. С. 242, 251.
- ²⁷ Семенов С. А., Коробкова Г. Ф. Технология древнейших производств. Л., 1983. С. 209.
- ²⁸ Рыбаков Б. А. Космогония... С. 26—28, 34—35, 39; его же. Язычество древних славян... С. 166—169, 181—208; Энеолит СССР... С. 250—251.
- ²⁹ Энеолит СССР... С. 213.
- ³⁰ Рыбаков Б. А. Язычество древних славян... С. 148, 212, 566.
- ³¹ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1865. Ч. 1. С. 435, 671.
- ³² В древнейшей славянской азбуке (глаголице) буква «земля» обозначалась ромбом, пересеченным горизонтальной линией. Простой ромб выражал это же понятие в сарматских знаках и на некоторых древнерусских изделиях. См. Истрин В. А. Развитие письма. М., 1961. С. 290.
- ³³ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси... С. 224—226, 238, 250.

- ³⁴ Энеолит СССР... С. 169—170, 175, 223, 252.
- ³⁵ Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы, конец XIX — начало XX в. Весенние праздники. М., 1977. С. 115, 142, 154; Календарные обычаи... Летне-осенние праздники. М., 1978. С. 179, 187, 201, 274—275.
- ³⁶ Дикшиг С. К. Введение в археологию. М., 1960. С. 251.
- ³⁷ От caelum (лат.) — небо.
- ³⁸ Авдиев В. И. История Древнего Востока. М., 1970. С. 138—146.
- ³⁹ Лот А. К другим Тассили. Новые открытия в Сахаре. Л., 1984. С. 29, 45, 50, 55, 83—87, 112, 210; История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М., 1986. С. 276—279.
- ⁴⁰ Лот А. Указ. раб. С. 13, 17, 54, 98, 151, 163, 165.
- ⁴¹ Большаков А. А. За Столпами Геракла. Канарские острова. М., 1988. С. 93—101.
- ⁴² Археология Центральной Африки. М., 1988. С. 32.
- ⁴³ Традиционные и синкретические религии Африки. М., 1986. С. 44; Лот А. Указ. раб. С. 43—44, 114—117, 122.
- ⁴⁴ Нейгебауер О. Указ. раб. С. 92.
- ⁴⁵ Горбовский А. А. Загадки древнейшей истории (Книга гипотез). М., 1971. С. 36, 45.
- ⁴⁶ Там же. С. 21.
- ⁴⁷ История первобытного общества... С. 281.
- ⁴⁸ Лот А. Указ. раб. С. 44, 146.
- ⁴⁹ Там же. С. 213.
- ⁵⁰ Древний мир. Сборник источников по культурной истории Востока, Греции и Рима. Ч. 1. Восток. М., 1917. С. 23.
- ⁵¹ Авдиев В. И. Указ. раб. С. 135.
- ⁵² Истрин В. А. Указ. раб. С. 108, 111, 193. Рис. 63 (вклейка).
- ⁵³ Кларк Дж. Д. Доисторическая Африка. М., 1977. С. 143.
- ⁵⁴ Даниленко В. Н. Энеолит Украины. Этноисторическое исследование. Киев, 1974. С. 143—144.
- ⁵⁵ Формозов А. А. Памятники первобытного искусства на территории СССР. М., 1966. С. 41—45.
- ⁵⁶ Монгайт А. Л. Археология Западной Европы... С. 51, 59 (Карты).
- ⁵⁷ Формозов А. А. Указ. раб. С. 96.
- ⁵⁸ Поплинский Ю. К. Из истории этнокультурных контактов Африки и эгейского мира. Гарамантская проблема. М., 1978. С. 22—23, 89; Лот А. Указ. раб. С. 29, 49, 53, 67, 86, 122, 177; История первобытного общества... С. 280.
- ⁵⁹ Антология мировой философии. В 4-х т. М., 1969. Т. 1. Ч. 1. С. 292.
- ⁶⁰ Дмитриева Н. А. Краткая история искусств. М., 1969. Вып. 1. С. 72.
- ⁶¹ Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь. М., 1986. С. 354—355, 414—415.
- ⁶² Рогинский Я. Я., Левин М. Г. Основы антропологии. М., 1955. С. 12.
- ⁶³ Тигов В. С. Неолит Греции. Периодизация и хронология. М., 1969. С. 220—227.
- ⁶⁴ История Европы... Т. 1. С. 97; Мерперт Н. Я. Об этнокультурной ситуации IV—III тыс. до н. э. в циркумпонтийской зоне // Древний Восток. Этнокультурные связи. М., 1988. С. 20—22.
- ⁶⁵ Поплинский Ю. К. Указ. раб. С. 20, 22, 41, 86.
- ⁶⁶ Пеноллери Дж. Археология Крита. М., 1950. С. 53.
- ⁶⁷ Богавский Б. Л. Крит и Микены. М.; Л., 1924. С. 172—173.
- ⁶⁸ Ранние земледельцы. Этнографические очерки. Л., 1980. С. 55.
- ⁶⁹ Бибииков С. Н. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевцевая на Днестре // Материалы и исследования по археологии СССР. 1953. № 38. С. 276—288.
- ⁷⁰ Рыбаков Б. А. Космогония и мифология... С. 30.
- ⁷¹ Власов В. Г. Русский народный календарь... С. 31.
- ⁷² Бильбасов В. А. Кирилл и Мефодий по западным легендам. СПб., 1871. С. 374.
- ⁷³ Формозов А. А. Указ. раб. С. 96.
- ⁷⁴ Томсон Дж. Исследования по истории древнегреческого общества. Доисторический эгейский мир. М., 1958. С. 256—265.
- ⁷⁵ Лот А. Указ. раб. С. 54, 94.
- ⁷⁶ Календарные обычаи и обряды... Летне-осенние праздники... С. 226.
- ⁷⁷ Томсон Дж. Указ. раб. С. 221—222.
- ⁷⁸ Церен Э. Указ. раб. С. 315.
- ⁷⁹ Кагаров Е. Г. Состав и происхождение свадебной обрядности // Сб. Музея антропологии и этнографии. Л., 1929. Т. VIII. С. 171—173.
- ⁸⁰ Лот А. Указ. раб. С. 116.